

Глава 3. Падение в воду

— Учитель Фан, площадка готова. Можно начинать съёмку.

Работник съёмочной группы был стажёром-новичком и видел Фан Цзинно впервые. Он слышал, что у того отвратительный характер и с ним невероятно трудно работать. Список его достижений в индустрии включал: оскорбление фанатов, избиение режиссёров, травлю молодых звёзд, умышленную порчу реквизита, издевательства над персоналом... и так далее.

Одним словом, репутация у Фан Цзинно в мире развлечений была хуже некуда, поэтому стажёр, робея, повторил ещё тише:

— Учитель... учитель Фан... съёмка...

Человек, отдыхавший в тени дерева, уже был в гриме и костюме. Он лежал в шезлонге, в тёмных очках, ожидая своей сцены.

Стажёр подошёл ближе и осторожно заглянул через его плечо. Оказалось, тот играл в игру на телефоне, где над головой маленького персонажа пиксельный индикатор симпатии неуклонно падал.

Выражение лица Фан Цзинно было не из приятных. Он заблокировал раскалившийся от игры телефон и, сдвинув очки на кончик носа, взглянул на стажёра.

Хотя он смотрел снизу вверх, стажёр ощутил невероятно властную ауру. Он весь сжался, боясь, что нарушил какое-то негласное правило. Каждое произнесённое им слово пронеслось в голове, как в замедленной съёмке.

В следующее мгновение Фан Цзинно бросил ему что-то тёмное и твёрдое.

Стажёр так испугался, что у него подкосились колени, и он едва не рухнул на землю с криком о пощаде. Но даже если бы это была граната, он не посмел бы её не поймать. Дрожая, он опустил взгляд на то, что оказалось у него в руках.

Бутылка ледяного сливового сока.

— Голос тихий, как комариный писк. Ты что, не ел? — произнёс Фан Цзинно, искренне полагая, что проявил заботу о сотруднике.

Однако стажёр лишь сильнее задрожал и не осмелился вымолвить ни слова.

— Сяо Ла пошёл заказывать молочные коктейли и десерты. Не забудь потом взять у него несколько порций, поешь как следует, — добавил Фан Цзинно, заметив, что парень молчит. — Ты меня слышишь, Чжан Сяоцюань?

Знаменитость с изысканными чертами лица окончательно сняла очки. Пятна света, пробивавшиеся сквозь листву, играли на его лице, и в солнечном свете его пепельно-серые глаза казались невероятно красивыми. Он достал карманное зеркальце, чтобы поправить причёску, и длинные украшения в его иссиня-чёрных волосах мелодично звякнули.

Чжан Сяоцюань на мгновение замер, поражённый, и лишь потом до него дошло... он помнит его имя.

На съёмочной площадке такие стажёры, как он, были на самой низкой ступени иерархии,

выполняли мелкие поручения. Не то что режиссёры и актёры — даже их бригадир, скорее всего, не знал его полного имени, называя всех подряд «маленький Чжан» или «маленький Ли».

Чжан Сяоцюань подумал, что у него, должно быть, рабская натура. Услышать своё имя из уст звезды такого уровня было настолько трогательно, что он почувствовал, словно удостоился величайшей чести.

— Слышу! Спасибо, учитель Фан! — Чжан Сяоцюань низко поклонился.

«И что это с ним?»

Они уже собирались идти, когда из фургона вышел Ян Кэ, появившись как раз вовремя. Словно и не было той сцены, когда его только что называли «нищевродом», он весело произнёс:

— Учитель Фан, пойдёмте вместе.

Чжан Сяоцюань с лёгким удивлением посмотрел на них. Кажется, это был фургон Фан Цзинно... почему же Ян Кэ вёл себя так, будто он здесь хозяин?

Ян Кэ подбежал к Фан Цзинно, и они пошли рядом.

— Учитель Фан, в сегодняшней сцене я не буду толкать вас по-настоящему. Просто сделаю вид, а вы упадёте в реку.

— Это будет выглядеть слишком фальшиво. Давай по-настоящему.

Чжан Сяоцюань мысленно кивнул. Значит, к съёмкам он относится серьёзно. Достоинство учителя Фана.

— Что ж, хорошо, — согласился Ян Кэ. Он опустил взгляд в телефон и вдруг воскликнул: — Боже мой!

Чжан Сяоцюань подпрыгнул от неожиданности, едва не выронив реквизит, и, выдавив улыбку, спросил:

— Что случилось?

— Учитель Гу... нет, теперь уже император кино Гу, он получил премию «Золотой треножник»! — голос Ян Кэ был таким громким, что едва не пробил барабанные перепонки. Он прикрыл рот рукой, вид у него был крайне взволнованный.

Но радость одного — не радость для всех.

Фан Цзинно тут же открыл ленту новостей, и его лицо мгновенно побледнело.

Рядом с одной из тем ярко-красным полыхал значок «Взрыв».

#ГуЦзиньчэнСамыйМолодойИмператорКино#

Он... он и вправду её получил?!

Сорокаградусное солнце плавило воздух, но Фан Цзинно почувствовал себя так, словно провалился в ледяную полынью. Холод пробирал до самых костей.

Рядом Ян Кэ не унимался, повторяя на все лады: «Ничего себе, император кино Гу». Каждое слово впивалось в сердце ледяной иглой.

Как в тумане, он добрёл до съёмочной площадки. В голове эхом отдавались слова Сяо Ла: «Больше улыбайся, не давай повода для сплетен», но уголки губ никак не хотели подниматься.

Перед глазами уже проносились картины будущего: холодные, отстранённые глаза Гу Цзиньчэна смотрят на него свысока, как на пыль под ногами...

— Тс-с-с... — Фан Цзинно от одной этой мысли почувствовал, как запульсировало в висках. Похоже, теперь придётся обходить этого человека стороной.

Послеполуденное солнце раскалило речную гладь. Маленький павлин, обычно гордо распускавший хвост, сейчас, словно его окатили ледяной водой, понуро брёл к берегу. Даже его тень казалась поникшей.

Съёмочная площадка на берегу реки была уже полностью готова. Камеры застыли в ожидании, мониторы мерцали, а режиссёр вносил последние коррективы через мегафон.

Сегодня снимали одну из ключевых сцен масштабной исторической драмы «Не запятнанный столичной пылью» — непутёвый наследный сын, тайно расследующий дело о коррупции, злодеями сброшен в реку.

Сериал почти полностью снимался на натуре. Река перед ними выглядела живописно: по обоим берегам склонились плакучие ивы, их нежно-зелёные ветви покачивались на ветру. Вода отражала сочную зелень берегов, и по её кристально чистой поверхности время от времени пробегала рябь, сверкая на солнце.

По команде режиссёра «Начали!» Ян Кэ в маске злодея грубо толкнул Фан Цзинно в воду.

Толчок оказался немного сильнее, чем нужно. Фан Цзинно почувствовал, как его лодыжка ударилась о камень на берегу, и слегка поморщился. Пять или шесть камер мгновенно сфокусировались на нём с разных ракурсов.

— Кто ты такой?! Кто послал тебя убить меня?! — из последних сил прохрипел он, разбрызгивая воду.

— Снято! Учитель Фан, эмоции немного не те. Давайте ещё дубль, — донёсся с берега голос режиссёра.

Это было только начало. После ещё нескольких неудачных дублей все начали недоумевать. Обычно Фан Цзинно входил в роль мгновенно и справлялся с первого раза. Что с ним сегодня такое? Он был совершенно не в своей тарелке.

Многие в индустрии знали о вражде Фан Цзинно и Гу Цзиньчэна. Теперь, когда новость о премии разлетелась, все понимали, что у Фан Цзинно наверняка испортилось настроение, и тихонько перешёптывались, обсуждая свежие сплетни.

Лодыжка побаливала, а жужжание голосов вокруг раздражало Фан Цзинно всё сильнее.

— Наверное, слишком жарко. Перерыв пять минут, — сказал режиссёр. Он был перфекционистом: если эмоции не те, лучше сделать паузу.

Фан Цзинно понимал, что задерживает съёмки. Он постарался подавить свои чувства и, поднимаясь из воды, хотел было взять с берега сценарий. Но в этот момент его нога за что-то зацепилась, и он снова рухнул в воду.

Он захлебнулся, наглотавшись воды, и попытался выплыть наверх, но тяжёлый исторический костюм мёртвым грузом тянул его на дно. Силы постепенно покидали его.

Последнее, что он услышал, теряя сознание, были панические крики с берега:

— Плохо! Учитель Фан тонет!

— На помощь! Быстрее!

Резкий запах антисептика ударил в нос. Фан Цзинно медленно разлепил отяжелевшие веки.

Первое, что он увидел, было крупное лицо его агента.

Та поправила очки в золотой оправе и холодно бросила:

— Зло неистребимо. Значит, будешь жить.

— Брат, у-у-у, слава богу, ты не умер! — раздался всхлипывающий голос из другого конца комнаты.

Сяо Ла стоял у изножья кровати с покрасневшими, заплаканными глазами. Кончик его носа был сморщен от бумажных платков.

— Врач сказал, у тебя лёгкое сотрясение. Съёмки приостановили. Но наши сцены почти отсняты, так что не торопись!

Фан Цзинно криво усмехнулся:

— Спасибо за приглашение. И впрямь не умер. — Сказав это, он с удивлением заметил, что его голос охрип, будто по горлу провели наждачной бумагой.

Ван Цань, видя его состояние, не стала ничего добавлять:

— Можешь пока не обращать внимания на то, что пишут в интернете. Восстанавливайся.

Голова у Фан Цзинно всё ещё была мутной.

— Что пишут?

Ван Цань кивнула, и Сяо Ла с поклоном подал Фан Цзинно телефон.

Пальцы, скользившие по экрану, вдруг замерли.

В топе новостей было оживлённо.

#ФанЦзинноНазвалГуЦзиньчэнаКаменнымЛицомСДерьмовойИгрой# [Взрыв]

#ГуЦзиньчэнСталИмператоромКиноАФанЦзинноОтЗлостиПрыгнулВРеку# [Кипение]

Две эти темы уверенно занимали первые строчки, оттеснив #ГуЦзиньчэнСамыйМолодойИмператорКино# на третье место.

Дрожащей рукой Фан Цзинно открыл первое видео, прикрепленное к теме. Размытые пиксели.

Это была запись из зоны отдыха съёмочной группы, сделанная, когда он только вышел из машины. Он держал телефон горизонтально и яростно тыкал в экран.

Они сняли всё. К счастью, без звука, но папарацци умудрились расшифровать его слова по губам и добавили субтитры.

«Гу Цзиньчэн, с твоей дерьмовой игрой и каменным лицом ты собрался стать императором кино? Мечтай!»

Кадры с его презрительным выражением лица были специально увеличены.

У Фан Цзинно потемнело в глазах. Собравшись с силами, он открыл следующую тему.

Второе видео — это он, вытасканный Ян Кэ из воды, мокрый и в самом неприглядном виде.

Неожиданно, именно Ян Кэ первым прыгнул в реку, чтобы спасти его. Всё-таки добро вознаграждается. Не зря он столько раз его угощал.

Эта мысль на мгновение подняла ему настроение, но, пролистав ниже, он увидел, что в комментариях царил полный хаос:

[Ха-ха-ха, так ему и надо! Фан Цзинно, оказывается, до такой степени завидует Гу Цзиньчэну!]

[Наверное, глаза от злости кровью налились?]

[Какое облегчение, лучший роман года! Давно уже тошнит от его высокомерной рожи. В прошлом году получил купленную премию и задрал нос. Гу Цзиньчэн красиво его умыл!]

[Не по теме, но лицо у Фан Цзинно и правда красивое. Даже мокрый, он вызывает сочувствие, кхм.]

[Фанаты мордашек, валите отсюда! Сегодня он оскорбляет Гу Цзиньчэна, а завтра вас ударит, поверьте. Он гнилой человек до мозга костей.]

[Невоспитанная, зазвездившаяся бездарность, катись из индустрии развлечений!]

Фан Цзинно почувствовал, как запульсировало в висках, а к горлу подступил привкус крови.

Он мертвой хваткой вцепился в телефон, костяшки пальцев побелели, а грудь тяжело вздымалась.

Сяо Ла понуро опустил голову, его глаза снова покраснели.

— Это я виноват, не досмотрел. Кто же знал, что папарацци с такого расстояния смогут прочитать по губам...

Ван Цань холодно прищурилась.

— Я давно говорила, что твой язык доведёт тебя до беды.

Сказав это, она заметила его мертвенно-бледное лицо и, смягчившись, произнесла непривычно спокойным тоном, неумело пытаясь его утешить:

— Впрочем, есть и плюсы. Ты умудрился полностью затмить новость о том, что Гу Цзиньчэн сегодня получил премию. Это в твоём стиле.

Было непонятно, ирония это или утешение.

Фан Цзинно стало ещё хуже.

От злости у него бешено колотилось сердце, голова кружилась, а в груди давило. Внезапно мир перед глазами поплыл. Он вцепился в изголовье кровати, чтобы не упасть, и через несколько секунд, когда снова открыл глаза, увидел нечто странное.

— Постойте, почему у вас всех над головами цифры? — спросил он, указывая в пустоту.

— Какие цифры?

Ван Цань и Сяо Ла переглянулись, посмотрев друг другу на макушки. Ничего.

Фан Цзинно растерянно помахал рукой в воздухе.

— Ну, проценты. Состоящие из пикселей, словно в мозаике, чёрно-фиолетовые цифры. Как в игре...

— Ты головой ударился? — Ван Цань, видя его серьёзное лицо, впервые за долгое время забеспокоилась и крикнула Сяо Ла: — Быстро, позови врача обратно!

Фан Цзинно показалось это знакомым. Он открыл на телефоне свою игру по уходу за питомцем и понял... шрифт и цвет были точно такими же!

Это были... индикаторы симпатии над головами персонажей!

В этот момент в палату вошли медработники, и он с ужасом обнаружил, что над головой каждого из них были разные значения: у врача — 1%, у старшей медсестры — 5%. А у одной маленькой медсестры с хвостиком, с особенно взволнованным лицом, было целых 70%.

Входя, она споткнулась, и из кармана её формы выпала карточка с фотографией Фан Цзинно. Похоже, она была его фанаткой.

Фан Цзинно внезапно осенило. Неужели это...

Как в романах о боевых искусствах, где герой падает со скалы и находит секретное руководство, он, упав в воду, пробудил систему симпатий!

Он перевёл взгляд на своего агента и только сейчас заметил, что над её головой красовалось огромное «-20%».

Минус?!

Затем он посмотрел на своего ассистента Сяо Ла, с которым проводил дни напролёт. Над его головой было всего «10%».

...Постойте. Это же неправильно.

Он всегда думал, что сестра Цань просто строгая снаружи, но добрая внутри. Оказалось... она его и впрямь ненавидит!

А Сяо Ла, который рыдал в три ручья, испытывает к нему симпатию всего на 10%?!

Да, он был немного прожорлив, любил поспать, был капризным и трудным в общении...

...

Фан Цзинно вдруг насчитал у себя целую кучу недостатков.

Что ж... характер у него и правда не сахар.

Какой жестокий мир. Ему вдруг расхотелось обладать этой способностью...

— Это палата Цзинно? Я пришла навестить его, — раздался у двери приятный женский голос.

— Учитель Е Тун? — Сяо Ла поспешил забрать у неё цветы и фрукты, приглашая войти.

Богиня!

Поникший Фан Цзинно тут же вскочил с кровати, поправил воротник и даже достал зеркальце, чтобы взъерошить волосы. Распустив павлиний хвост, он протянул руку для приветствия.

Эта способность не так уж и плоха. А вдруг богиня тайно в него влюблена?

Подняв глаза, он увидел над её головой огромный «0».

Фан Цзинно рухнул обратно на кровать. В этом мире не осталось любви.

<http://bllate.org/book/13677/1211854>